

По ту сторону нелиберальной демократии: случай Венгрии¹

АНДРАШ
БОЗОКИ

ВСТУПЛЕНИЕ

С момента окончания «парадигмы перехода»², периода оптимистической веры в политический прогресс, аналитикам пришлось признать, что развитие общества от диктатуры к демократии может быть остановлено или обращено вспять. Несмотря на общие ожидания, демократический поворот 1989–1991 годов не закончился превращением всех диктатур в либеральные демократии. Не только страны – «демократии по умолчанию»³ стали авторитарными, но даже прежде консолидированные либеральные демократии могли откатиться к гибридным режимам, «сочетающим демократические и авторитарные элементы»⁴. Хотя число либеральных демократий существенно возросло, куда важнее отметить разрастающуюся «серую зону» между демократиями и диктатурами, где и процветают гибридные режимы.

Далее я главным образом сосредоточусь на типах режимов, а не на политических речах и предполагаемых намерениях политиков. Как мы знаем, какими бы важными они ни были, политические речи часто скрывают, а не выражают реальные политические намерения. «Не обращайтесь внимания на то, что я говорю, следите за тем, что я делаю», – сказал, как мы помним, Виктор Орбан послу США в Будапеште, еще будучи оппозиционным политиком⁵. Кроме того, гибридные режимы в своем стремлении сохранить демократический фасад с еще большей вероятностью используют публичные выступления, чтобы напустить туману, а отнюдь не затем, чтобы показать, как они работают изнутри.

Таким образом, в данной статье я исследую академическую проблему: «серую зону», в которой находятся несколько смешанных режимов, и место нелиберальной демократии в этом

Андраш Бозоки (р. 1959) – социолог, профессор факультета политологии Центрально-Европейского университета (Будапешт), в 2005–2006 годах – министр культуры Венгрии.

- 1 Перевод по изданию: BOZÓKI A. *Beyond «Illiberal Democracy»: The Case of Hungary* // BESIREVIC V. (Ed.). *New Politics of Decisionism*. The Hague: Eleven International Publishing, 2019. P. 93–105.
- 2 CAROTHERS T. *The End of Transition Paradigm* // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 1. P. 12–27.
- 3 WAY L.A. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2015.
- 4 DIAMOND L. *Elections without Democracy: Thinking about Hybrid Regimes* // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2. P. 21–35.
- 5 Фраза, произнесенная Орбаном в 2006 году, стала широко известной из материалов «Wikileaks» в 2011-м: www.origo.hu/itthon/20110906-orban-viktor-reagalt-a-wikileaks-iratokban-szereplo-kijelenteseseire.html.

пространстве. Эти режимы называли по-разному: полудемократии, полудиктатуры, «управляемые», «суверенные» или «регулируемые» демократии, делегативные демократии, нелиберальные демократии, либеральные автократии, электоральный авторитаризм, конкурентный авторитаризм и тому подобное⁶. О’Доннел и Шмиттер еще в 1986 году признавали существование отдельных переходных режимов – таких, как *демократура* и *диктабланда*, – основываясь на опыте Латинской Америки⁷. Вскоре стало ясно, что дать определение демократии и диктатуре – это не просто провести разграничение «или-или», но ответить на вопрос «более или менее». Страны, находящиеся в «серой зоне», разом демонстрируют элементы и демократии, и авторитаризма, но в различной пропорции. Однако, даже если речь идет о «более или менее», необходимо иметь возможность выявить Рубикон, конкретный исторический рубеж или момент, который должен быть перейден или пройден во время смены режима. Может, и правда, что диктатуры не превращаются в демократии в одночасье и наоборот, но мы все равно должны иметь возможность определять границы между либеральными демократиями, гибридными режимами и диктатурами. Даже на оси «более или менее» есть поворотные точки, которые отделяют три различных режима друг от друга.

Дать определение демократии и диктатуре – это не просто провести разграничение «или-или», но ответить на вопрос «более или менее». Страны, находящиеся в «серой зоне», разом демонстрируют элементы и демократии, и авторитаризма, но в различной пропорции.

У гибридных режимов есть одна общая черта: во всех них существует конкуренция, хотя находящаяся у власти политическая элита намеренно перестраивает государственное регулирование и политическую арену таким образом, чтобы обеспечить себе неоправданные преимущества. На практике все они являются бенефициарами «неравных условий игры». Стивен Левицкий и Лукан Вэй пишут:

- 6 Примеры подобных работ: O’DONNELL G. *Delegative Democracy* // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. № 1. P. 55–69; BROWN A. *From Democratization to Guided Democracy* // *Journal of Democracy*. 2001. Vol. 12. № 4. P. 35–41; SCHEDLER A. (Ed.). *Electoral Authoritarianism: The Rise of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006; LEVITSKY S., WAY L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 7 O’DONNELL G., SCHMITTER P.C. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

«Конкурентные авторитарные режимы – это гражданские режимы, в которых демократические институты формально существуют и обычно рассматриваются как главные средства достижения власти, однако злоупотребления государством со стороны тех, кто занимает выборные должности, дают последним существенное преимущество перед оппонентами. Такие режимы конкурентоспособны в том смысле, что оппозиционные партии используют демократические институты для серьезной борьбы за власть, но сами эти институты не являются демократическими, поскольку игровое поле сильно перекошено в пользу инкумбентов, – то есть конкуренция реальна, но несправедлива»⁸.

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

ПОЧЕМУ НЕЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО НЕ ДЕМОКРАТИЯ

В последние годы концепция нелиберальной демократии, предложенная Фаридом Закарией⁹, переживает поразительный ренессанс, что кажется несколько странным. Если Закария определял эту концепцию как негативную, считая ее подходящим описанием для стран, не имеющих сильной конституционно-либеральной традиции, то сегодня некоторые авторитарные лидеры с гордостью провозглашают ее как позитивное понятие. Ее представляют как голос периферии, направленный против якобы элитистской, бюрократически-технократической, либеральной демократии, которая благоприятствует высшим классам стран Запада. Нелиберальная демократия преподносилась как мажоритарная, идущая снизу, заново политизированная демократическая альтернатива демократическому же элитизму, в условиях которой трудящиеся возвращают себе власть, отбирая ее у политически корректных (но социально менее чувствительных) элит. Однако в реальности это не привело ни к более широкому участию населения, ни к народовластию; результатом скорее стали социальная апатия и практически неограниченная власть суверенного лидера.

Теоретически некоторые сторонники нелиберальной демократии возвращаются к веберовскому понятию «демократии лидеров» (*Führerdemokratie*), забывая при этом, что Вебер понимал значимость лидеров в рамках демократии либеральной¹⁰. Другие предлагают правую, националистическую, интерпретацию теории гегемонии Антонио Грамши¹¹, считая, что в политическом дискурсе должна доминировать неустанная пропаганда. Кто-то ссылается на теорию «политического» у Карла Шмитта,

8 LEVITSKY S., WAY L. *Op. cit.* P. 5.

9 ZAKARIA F. *The Rise of Illiberal Democracy* // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 6. P. 22–46.

10 WEBER M. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978.

11 GRAMSCI A. *Selections from the Prison Notebooks*. London: Lawrence & Wishart, 1971.

в которой говорится, что основным конститутивным элементом политики является конфликт между другом и врагом¹². Другие не прочь заново интерпретировать понимание радикальной политики у Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф¹³ с целью подчеркнуть важность возвращения к реальной политике «реальных людей». Такой подход к политике превозносит добродетель, общинность и артикуляцию конфликтов в отношении доминирующего, нейтрализующего правового и морального дискурса либеральных элит. Чтобы оживить политику, как они считают, обязательно нужна значительная доза популизма, а возникновение популистских демократий¹⁴, по их мнению, следует считать здоровой реакцией на западные демократии, где граждане превращаются в отчужденных потребителей (а не энергичных участников) демократической политики.

Однако гибридные режимы, популистская политика и нелиберальные демократии, несмотря на все усилия по их оправданию, сдерживают политическую активность граждан и движутся в направлении авторитаризма. Причина, по которой авторитарным лидерам так нравится концепция нелиберальной демократии, заключается в том, что она дает им возможность выставлять себя демократами (в своем роде). Даже новоиспеченные диктаторы хотят представить себя демократами. Пусть «суверенными», пусть «незападными», пусть «нелиберальными», но все-таки демократами. Участвуя в разрушении верховенства права, они прилагают максимум усилий, чтобы убедить всех в том, что были избраны народом. Автократы прошлого не так уж настаивали на законности своего избрания. Концепция же нелиберальной демократии помогает новым лидерам-автократам скрывать свои авторитарные намерения как можно дольше.

Добавляя к понятию «демократия» разнообразные характеристики с тем, чтобы указать на ее извращенную суть, наука прилагает отчаянные усилия, чтобы попытаться спасти саму концепцию, оставаясь верной некоторым ее частям. Однако это приводит к ситуации, когда «у семи нянек дитя без глаза». В конечном счете они начинают описывать как демократии режимы, которые на самом деле не имеют ничего общего с изначальным смыслом этой концепции. Как оказалось, популизм или нелиберализм не делают режимы более демократичными, а скорее наоборот.

Что же нам тогда делать с нелиберальными демократиями? Во-первых, существуют ли они вообще? Если да, то куда их

12 SCHMITT C. *The Concept of the Political*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

13 LASCLAU E., MOUFFE C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 1985.

14 Объяснение подобного подхода см. у: PAPPAS T.S. *Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary* // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 49. № 1. P. 1–23.

отнести – к группе демократий или к гибридным режимам? В какой степени либеральные ценности – верховенство права, сдержки и противовесы, конституционализм, гражданские свободы, разделение властей, права человека и защита меньшинств – относятся к демократическим ценностям? Принадлежит ли демократия всем гражданам политического сообщества или только большинству? Эти вопросы одинаково важны как для политических теоретиков и тех, кто занимается сравнительной политологией, так и для граждан. Что есть демократия – универсальная ценность или просто конкретное благо? Следует ли считать ее исключительно западной ценностью и бывают ли вообще незападные демократии?¹⁵ Старые вопросы, похоже, снова возвращаются.

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

**Нелиберальная демократия преподносилась
как мажоритарная, идущая снизу, заново
политизированная демократическая альтернатива
демократическому же элитизму, в условиях которой
трудящиеся возвращают себе власть, отбирая ее
у политически корректных элит.**

Примерно в 1989 году мы узнали, что демократия означает западную, либеральную демократию. Это единственный режим, основанный на политическом плюрализме, участии, конкуренции и гражданских свободах. Как следствие, некоторые ученые справедливо поставили под сомнение обоснованность существования нелиберальной демократии как подтипа в семействе демократий. Джеффри Исаак в своем эссе уже упоминал ряд исследователей, подвергших эту концепцию серьезной критике, в том числе Яна-Вернера Мюллера¹⁶, Яноша Корнаи¹⁷ и других. Венгерский политический философ Янош Киш¹⁸ приводит аналогичный аргумент. Он утверждает, что ключевым аспектом демократии является то, что даже меньшинство признает законность решений. Однако это происходит лишь в том случае, когда система беспристрастна, а люди, чье мнение оказалось в меньшинстве, остаются законными участниками демократического процесса, поскольку решения большинства не используются для того, чтобы лишить меньшинство граж-

15 YOUNGS R. *The Puzzle of Non-Western Democracy*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, 2015.

16 MÜLLER J.W. *The Problem with Illiberal Democracy* // Project Syndicate. 2016. January 21.

17 KORNAI J. *Hungary's U-Turn: Retreating from Democracy* // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 3. P. 34–48.

18 KIS J. *Illiberális demokrácia nem létezik* // Hvg.hu. 2014. November 24.

данских прав. В современной демократии недопустимо маргинализировать, игнорировать меньшинство или избавляться от него – то есть за пределами либеральной демократии демократии не существует. Следовательно, по Кишу, не существует и нелиберальной демократии, поскольку нелиберальный режим демократией считаться не может.

Если мы рассуждаем в рамках нормативной демократической теории, я с этим согласен. Тех, кто систематически нападает на верховенство права, вряд ли можно считать защитниками демократии. Концепция демократии постепенно менялась, и сегодня она стала охватывать либеральную и конституционную составляющие. Трудно назвать какой-либо политический режим «демократией» за пределами мира либеральных демократий, даже если мы знаем, что демократия *никогда* не бывает идеальной и что существуют дефектные демократии, которые не отвечают полностью всем критериям.

Мой подход можно обобщить в следующей типологии: демократия – это либеральные демократии, консенсусные или мажоритарные; *гибридный режим* – это различные режимы, в том числе нелиберальная демократия и конкурентный авторитаризм; *диктатура* – целиком и полностью авторитарные или тоталитарные режимы.

Другие исследователи видят картину иначе. Так Чиллаг и Селени¹⁹ приводят аргумент выборной демократии. Режим Орбана в Венгрии они, например, оценивают как демократический, так как он пришел к власти демократическим путем и по-прежнему существует возможность смены правительства. Они работают с относительно низким «порогом» и утверждают, что можно говорить о демократии, когда легитимация власти основана на воле большинства. Они принимают минималистские доводы Хантингтона о том, что свободные и справедливые выборы являются неперемнным условием демократии, а фактический способ управления, с точки зрения легитимизации, относительно менее релевантен²⁰. Авторы не задаются вопросом, соответствовали ли выборы 2014 года в Венгрии критерию свободного и справедливого волеизъявления.

В 1990-е в посткоммунистической Европе действительно существовали режимы, которые мы можем ретроспективно обозначить как электоральные или нелиберальные демократии, – такие, как Словакия при Мечъяре, Югославия при Милошевиче, Румыния при Илиеску или Хорватия при Туджмане. В исполненном оптимизма состоянии перехода многие

19 CSILLAG T., SZELÉNYI I. *Drifting from Liberal Democracy: Neo-Conservative Ideology of Managed Illiberal Democratic Capitalism in Post-Communist Europe* // *Intersections*. 2015. Vol. 1. № 1. P. 18–48.

20 HUNTINGTON S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: Oklahoma University Press, 1991.

полагали, что эти режимы будут развиваться в направлении либеральной демократии. Поскольку три из этих четырех стран в настоящее время являются членами Европейского союза, нелиберальная демократия могла быть истолкована как «болезнь» новых демократий.

Чиллаг и Селени изначально подчеркивают тот факт, что руководство избирается путем свободных выборов. Если этот критерий соблюден, они считают режим демократическим, будь он либеральным или нелиберальным. Если принцип свободных выборов не соблюдается, они автоматически рассматривают режим как авторитарный – такой режим тоже может быть либеральным или нелиберальным. Либеральные автократии, по их мнению, представляют собой нечто среднее между демократией и диктатурой, диктатурами же они считают только нелиберальные автократии. Типология этих авторов выглядит следующим образом:

	Демократия	Автократия
Либеральная	либеральная демократия	гибридный режим
Нелиберальная	нелиберальная демократия	диктатура

Я безусловно согласен с Чиллагом и Селени в том, что эмпирическая реальность демонстрирует больше вариантов режимов, нежели нормативная демократическая теория, и что нелиберальные демократии могут возникать в реальном мире. Но я не согласен с ними, когда они рассматривают нелиберальную демократию как разновидность демократии. На мой взгляд, нелиберальная демократия относится к гибридным режимам. Если кто-то принимает нелиберальную демократию как форму демократии, то он или она не только отрицает нормативный консенсус демократий, но и девальвирует само понятие демократии. В конце концов, мы потеряем возможность распознавать демократии и отличать их от других режимов. Исаак прав, утверждая, что нам нужно принять эмпирическую реальность, но и концептуальных натяжек нам тоже следует избегать²¹.

То, что люди часто называют «нелиберальной демократией», на самом деле является эмпирически существующим гибридным режимом – иными словами, недемократией. Называя это «демократией», мы вводим людей в заблуждение с научной точки зрения и политически их обезоруживаем. Для демонстрации последнего достаточно упомянуть, что Европейский союз использует эту концепцию в своем политическом дискурсе дипломатически, с целью уменьшить значимость отклонения Венгрии и Польши от мейнстримных европейских демо-

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

21 ISAAC J. *Is There Illiberal Democracy? A Problem with No Semantic Solution* // Public Seminar. 2017. July 12.

кратий. Это, по-видимому, оправдывает мягкое отношение ЕС к этим странам, несмотря на их неуважение к общепринятым стандартным либерально-демократическим ценностям. До тех пор, пока ЕС рассматривает Венгрию и Польшу как (своего рода) демократии, он будет оправдывать собственную неспособность ввести санкции в отношении этих стран.

ВЕНГЕРСКАЯ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ»

Может ли в Европейском союзе существовать все более процветающий авторитарный режим? В конце концов, ЕС строился на либерально-демократических ценностях, как сообщество, где сотрудничество становится «все более тесным». Предполагается, что государства – члены Европейского союза являются либеральными демократиями, но Венгрия, скрывая авторитарные черты под потрескавшейся маской демократии, справедливо называется «гибридным режимом». Таким образом, это первое недемократическое государство-член в истории ЕС.

Деконсолидация демократии, широко воспринимаемой в стране в качестве элитарной системы, началась в Венгрии в 2006 году. Оппозиционная партия «Фидес», возглавляемая Виктором Орбаном, вела себя не столько как соперник, сколько как явный враг коалиционного правительства по мере того, как политический дискурс – и без того поляризованный – все более руководствовался ненавистью. Экономический кризис 2008 года привел к политической буре на выборах 2011-го, когда «Фидес» получила квалифицированное большинство в парламенте. С тех пор качество демократии неуклонно ухудшалось. Вначале сторонники режима говорили о «мажоритарной демократии», как будто либеральная демократия могла при этом выжить без потерь. Задним числом можно утверждать, что в период с 2011-го по 2015-й режим функционировал как своего рода ущербная, ослабленная или нелиберальная демократия.

Демократические институты пользовались все меньшим уважением со стороны правительства, однако важнейшие демократические принципы из списка Джеффри Исаака²² все еще действовали. В их число входили открытая политическая борьба, свобода слова, свобода создания объединений, правовое равенство, эгалитарная концепция гражданства, гендерно нейтральный гражданский статус – хотя все эти принципы так или иначе подвергались искажениям. Тем не менее в конечном счете режим отказался от нелиберальной демократии и стал опираться на все более авторитарные меры. Фактор времени

22 Ibid.

имеет значение: книга «Венгерский пациент», содержащая в подзаголовке термин «нелиберальная демократия», вышедшая под редакцией Питера Крастева и Йона Ван Тила²³, описывает политические процессы, происходившие до 2015 года. Любая серьезная дискуссия об ущербных, ослабленных, дефектных или нелиберальных демократиях должна учитывать постоянно меняющийся характер этих режимов.

В 2016 году, когда грубая «гражданская» сила с молчаливого согласия государства лишила венгерских граждан возможности выдвинуть вопрос на референдум – то есть гражданам не дали осуществить свое конституционное право, – пришло время снова задать вопрос: имеет ли вообще смысл говорить о демократии в Венгрии? Ссылаясь на делегированное внешним исполнителям насилие, используя план изменения Конституции в связи, как утверждалось, с «террористической угрозой», режим Орбана в начале 2016 года сделал еще один шаг на пути к установлению монополии на власть. По аналогии с существовавшим прежде военизированным крылом крайне правой партии «Йоббик» вот-вот должна была появиться похожая группа из условно организованных головорезов под эгидой «Фидес»: не будучи одеты в форму, они были призваны запугивать демонстрантов и членов оппозиции. Исходя из политических соображений режим с гордостью утверждал, что его силовые структуры непосредственно силу не применяют (вместо этого он постепенно перешел к экзистенциальным угрозам), и работа по запугиванию была отдана на «внешний подряд» уличным бойцам «в гражданском», организованным фанатам-ультрас ряда футбольных клубов и так далее.

В разваливающейся Югославии Милошевича конца прошлого века такого не было. Такая политика идеально соответствует стратегии управления, выработанной режимом Орбана, – для этой стратегии характерны намеренные усилия по устранению различий между официальными и неофициальными агентами, между тем, кто несет ответственность, и тем, кто, наоборот, никому не подотчетен. Решения принимаются вне установленных институтов, за их спиной, в невидимой и серой зоне, в мире теневых организаций, не несущих никакой политической ответственности и не обремененных обязательствами. В соответствии с этой схемой акты насилия, которые могут поставить в неловкое положение тех, кто находится у власти, совершаются привычными к таким делам скинхедами, от которых «Фидес» в свою очередь может легко откеститься. Аналогичным образом бюджет не обязательно составляется соответствующим министром – этим занимаются частные фирмы

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

23 KRASZTEV P., TIL J. VAN (Eds.). *The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democracy*. Budapest; New York: CEU Press, 2015.

(обеспечивающие операции по отмыванию денег, по свидетельству одного из бывших сотрудников), юридически не связанные с правительством, члены которых также могут иметь доступ к секретной информации.

Есть точка, в которой даже ослабленной демократии приходит конец. Это момент, когда стирается грань между частными и общественными интересами, исчезает разница между национализацией и приватизацией, когда общественные интересы становятся неотличимыми от интересов политиков / экономических игроков, захватывающих государство, где, при прочих равных, система в конечном счете защищает этих предпринимателей. Коррупция легализуется. Венгрия к этому моменту уже подошла: «То, что называют коррупцией, на самом деле – важнейшая политическая цель партии “Фидес”», – с поразительной откровенностью заявляет главный идеолог режима Андраш Ланци²⁴. Сегодня коррупция в Венгрии больше не рассматривается как девиантное поведение, но является неотъемлемой частью самой системы. Нарушение закона стало новой нормой. То, что когда-то называлось «злоупотреблением властью», сегодня стало определяющей чертой режима. Как сформулировал Балинт Мадьяр, «мафиозное государство – приватизированная форма паразитического государства», где отношения патрона/клиента больше не относятся к системе протекций, также наблюдаемой в демократиях; по сути это «искоренение основ индивидуальной автономии и включение экзистенциальных проблем в систему зависимостей»²⁵. А это уже опасно приближается к определению авторитарных режимов.

Концепция мафиозного государства является одним из наиболее последовательных теоретических аргументов для описания режима, и ее оруэлловские коннотации можно использовать не только для оппозиционной критики, но и для академически обоснованного анализа политической системы Венгрии. Мы подошли к тому моменту, когда режим Орбана уже оказывается за рамками определений демократии в самом широком смысле, он уже даже не «дефектная», «избирательная», «минимальная» демократия. Слишком много дефектов, выборы не являются чистыми, и демократический минимум испаряется. Пришло ли время еще раз оценить ситуацию и изменить статус режима Орбана в политическом континууме?

Я считаю централизацию и персонализацию власти, пропаганду национального объединения в сочетании с дискриминацией и маргинализацией низших слоев общества, насильственной смену элит хищническим (или мафиозным) государством

24 LÁNCZI A. *Viccpártok színvonalán áll az ellenzék* // Magyar Idők. 2015. December 21.

25 Мадьяр Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства на примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 16.

и практику силовой политики структурными элементами этого режима. Последний коренится в убежденности премьер-министра, будто «революционные обстоятельства» требуют проведения исключительной политики²⁶.

Режим Орбана в модификации 2018 года существенно отличается от более раннего периода его нахождения у власти (2010–2011), хотя истоки авторитаризма прослеживаются уже в самом начале. С 2010-го режим претерпел постепенную трансформацию. На ранней стадии развития риторика его была главным образом мажоритарной²⁷. Первым шагом к нелиберальной демократии стала новая Конституция – Основной закон, написанный и утвержденный единолично правящей партией. В результате, злоупотребив демократически узаконенной властью, правительство покончило с верховенством закона. Наиболее ярким примером этого является четвертая модификация Основного закона весной 2013 года, которая позволила Конституционному суду юридически игнорировать свои же решения, принятые до 2010 года²⁸. (Аналогичные процессы наблюдаются в сегодняшней Польше, хотя правящий блок не имеет квалифицированного большинства для изменения Конституции. Как следствие, польская правящая ультраправая партия «Право и справедливость», возглавляемая Ярославом Качиньским, открыто идет против Конституции в надежде, что кастрированный Конституционный суд даст им зеленый свет.)

В Венгрии вплоть до всеобщих выборов 2014 года нельзя было исключать возможности проведения свободных и справедливых выборов. Однако выборы 2014-го не соответствовали минимальным требованиям демократического процесса из-за «неравного игрового поля» для конкурирующих политиков. Заявление Орбана о построении нелиберального государства в июле 2014-го, вместо того, чтобы указать дату запуска нового порядка, просто обещало дальнейшие меры, направленные на укрепление авторитарной системы. К тому моменту режим уже успешно провел нечестные выборы и как раз закончил менять правила проведения муниципальных выборов в Будапеште – всего за несколько месяцев до голосования.

За эти годы система претерпела огромные изменения. К 2014 году пограничный столб с надписью «нелиберальная демократия» был уже далеко позади. Сегодня, после выборов

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

26 Bozóki A. *Broken Democracy, Predatory State and Nationalist Populism* // KRASZTEV P., TIL J. VAN (Eds.). *Op. cit.* P. 3–36.

27 Bozóki A. *Die autoritäre Versuchung: Die Krise der ungarischen Demokratie* // Osteuropa. 2011. Vol. 61. № 12. S. 65–88.

28 Vörös I. *Hungary's Constitutional Evolution during the Last 25 Years* // Südosteuropa. 2015. Vol. 63. № 2. P. 173–200.

2018 года, у нас нет подходящих терминов, чтобы описать то, что находится у нас перед глазами²⁹, но определение «конкурентный авторитаризм», возможно, лучше всего соответствует природе режима. Результаты выборов спровоцировали серию масштабных протестов на улицах Будапешта, в ходе которых протестующие неоднократно обвиняли оппозиционные партии в сотрудничестве с растущей автократией. Движение режима к авторитаризму продолжается, о чем лучше всего свидетельствуют некоторые недавние действия:

– Использование полукриминальных элементов для насильственного подавления попытки оппозиции инициировать референдум и неспособность прокуратуры выдвинуть обвинения. Передача насилия на аутсорсинг футбольным хулиганам и военизированным группировкам напоминает о первых путинских годах в России.

– Яростная пропагандистская кампания государства против иммигрантов во время инициированного правительством референдума в 2016 году, а также в ходе избирательной кампании 2018-го.

– Пользуясь всеобъемлющей политической и экономической властью, правительство в 2016 году закрыло крупнейшую леволиберальную ежедневную газету «Непсабадшаг» («Népszabadság»).

– Попытка закрыть базирующийся в Будапеште венгерско-американский частный вуз – Центрально-Европейский университет³⁰.

– Руководство правящей партии провело «избирательную кампанию, задействуя непропорциональные ресурсы и пользуясь явной поддержкой государственных институтов, которые сосредоточились на нагнетании страха, обращались к теориям заговора, использовали фейковые новости и высказывали открытые угрозы. Правящая партия не участвовала в открытых публичных дебатах с обсуждением результатов своего нахождения у власти и не представила конкретных политических планов»³¹.

– Еще одна характерная черта режима – агрессивное обращение с организациями гражданского общества. Как заявил представитель правящей партии, независимые НПО «должны быть вычеркнуты из венгерской общественной жизни», поскольку они вмешиваются в политику. За этим заявлением по-

29 TRENCSENYI B. *What Should I Call You? The Crisis of Hungarian Democracy in a Regional Interpretative Framework* // MAGYAR B., VÁSÁRHELYI J. (Eds.). *Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State*. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 3–26.

30 В октябре 2019 года ЦЕУ вынужденно перевел учебный процесс в Вену в связи с новыми требованиями властей к учебным заведениям. – *Примеч. перев.*

31 LACZÓ F. *The Illusion of Choice* // Visegrad Insight. 2018. April 24.

следовало дискриминационное законодательство в отношении НПО, получавших финансирование из иностранных фондов.

Язык, которым пользуется режим, служит для того, чтобы скрыть реальность. Пропагандистская массовая коммуникация – анкеты с набором предвзятых или манипуляторных вопросов, рассылаемые всем гражданам, – получила название «национальная консультация». При этом главной целью «Фидес» было обновление списка своих сторонников. «Защита» означает сбор денег на защиту. На самом деле «защита» пенсионных пособий означает реквизицию пенсий государством. Сокращение расходов на коммунальные услуги привело к повышению цен и ухудшению качества услуг. Защита венгерского народа привела к обнищанию значительной части населения. Поскольку коррупция стала нормой и частью повседневной жизни, для общественности она стала невидимой. Помимо программ по организации общественных работ для самых бедных групп населения, сокращения расходов на коммунальные услуги в интересах состоятельных и сохранения фиксированной ставки для налога с физлиц, система обретает легитимность через инвестиции, демонстрирующие символическую власть правящей элиты (например новый офис премьер-министра – дворец в Будайской крепости), националистические кампании и ксенофобию, генерируемую на государственном уровне.

Как показывает литература по этой теме (и ее появляется все больше), режим Орбана постепенно эволюционировал, вышел из личиночной стадии и на сегодня уже полностью сформировался (если вообще можно говорить об «окончательном формировании») ³². Это не означает, будто лидер режима следует заранее просчитанному плану. То, что он движется в направлении авторитаризма, было понятно, но было и много случайных событий, спонтанных реакций и противоречивых политических решений; перемены происходили с большей или меньшей скоростью – насколько позволяла политическая ситуация. С 2014 года главная проблема с режимом не только в том, что он нелиберален, но и в том, что он становится все более антидемократическим.

Более того, из-за сдерживающей силы Европейского союза к настоящему времени режим Орбана выглядит не столько демократическим, сколько более либеральным. ЕС более компетентен в охране прав человека, нежели в защите демократии от демонтажа. Некоторые фундаментальные права (свобода слова, свобода собраний, право на неприкосновенность частной жизни, свобода передвижения) в рамках этого режима по-

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

32 Ср.: WILKIN P. *Hungary's Crisis of Democracy: The Road to Serfdom*. Lanham: Lexington Books, 2016; PAPP A. L. *Democratic Decline in Hungary: Law and Society in an Illiberal Democracy*. London: Routledge, 2017; MAGYAR B., VÁSÁRHELYI J. (Eds.). *Op. cit.*

прежнему защищены – несмотря на автократическую монополизацию политики. По сути, мы имеем дело с формирующейся авторитарной структурой, которую Евросоюз мог бы до какой-то степени сдерживать в том, что касается нарушений фундаментальных прав человека и гражданских свобод³³. Иными словами, встроенность режима Орбана в международную систему препятствует его сползанию в авторитаризм или по крайней мере замедляет этот процесс. В силу данного внешнего ограничения лидеры режима Орбана вынуждены действовать не напрямую – следовать двойным стандартам, говорить одно, а думать другое, формально заявляя о приверженности демократическим ценностям, короче говоря, вести себя лицемерно, чего они не стали бы делать при других обстоятельствах. Правительство пытается оправдать свою антидемократическую политику, апеллируя к демократическим нормам, что смягчает автократическую природу режима. С целью избавиться от либерального демократического верховенства права, принятого в Европейском союзе, режим, пусть и без особого успеха, задействует риторику, эксплуатирующую ксенофобские настроения, и обращается к национальной трактовке христианства³⁴. То, что происходит в последнее время в политике за рубежом, в особенности в Турции и России, побуждает противников плюралистической демократии продолжать попытки устранения либеральных элементов в режиме.

В целом сложившийся в Венгрии порядок можно описать как гибридный режим со структурой мафиозного государства, неортодоксальной экономической политикой, стимулирующей социальное неравенство, этническим национализмом и возвратом к феодализации. Этот режим можно было бы называть конкурентным авторитаризмом³⁵, если бы он допускал подлинную конкуренцию – но он этого не делает. Мы имеем дело с партийной системой, где доминирует одна партия, конкуренция ограничена, а выборы проводятся без реальных вариантов. Оппозиционные силы могут побеждать в нескольких избирательных округах на дополнительных выборах, однако их надежды на победу на всеобщих выборах значительно ограничены. Для поддержания своей власти правящая политическая клика сочетает политические и экономические инструменты, однако ей не хватает интеллектуальной и моральной поддержки большей части общества. Режим полагается на своих политических сторонников, а потенциальных противников

33 Bozóki A., Hegedüs D. *An Externally Constrained Hybrid Regime: Hungary in the European Union* // Democratization. 2018. Vol. 25. № 7. P. 1173–1189.

34 Ádám Z., Bozóki A. «The God of Hungarians»: Religion and Right-Wing Populism in Hungary // Marzouki N. et al. (Eds.). *Saving the People: How Populists Hijack Religion*. London: Hurst & Company, 2016. P. 129–148.

35 Levitsky S., Way L. *Op. cit.*

разделяет и нейтрализует – независимо от того, пассивны они или активны³⁶.

Спираль продолжает идти вниз, несмотря на членство страны в Европейском союзе. Венгерскую политику «наихудших практик» быстро скопировал режим Качиньского в Польше. Когда гражданам отказывают в конституционном праве на проведение референдума – даже по такому, казалось бы, тривиальному поводу, как вопрос о том, должны ли розничные магазины работать по воскресеньям, – какой арсенал развернут правящие силы, если их власть окажется под угрозой? Возможно, нам нужно изменить посылку нашего анализа: вместо того, чтобы пытаться понять, почему венгерская политическая система, которую прежде называли «демократией», не либеральна, давайте попробуем разобраться, что делает эту европейскую автократию относительно либеральной.

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

Встроенность режима Орбана в международную систему препятствует его сползанию в авторитаризм или по крайней мере замедляет этот процесс. Лидеры режима вынуждены следовать двойным стандартам, формально заявляя о приверженности демократическим ценностям.

Выводы

Наконец, нам необходимо понять, как распространяется эпидемия авторитаризма и какое место в этой серой зоне занимает нелиберальная демократия. Для меня нелиберальная демократия не столько популярный политический проект, сколько относительно редкая эмпирическая конфигурация среди гибридных режимов. Это изменчивый, относительно менее авторитарный и менее насильственный режим, нежели другие гибридные режимы, один из случаев «раздемократизации» бывших демократических стран. Противоречивый характер нелиберальной демократии также может быть объяснен наличием реальной напряженности между внутренними и внешними силами в рамках международных организаций (типа ЕС). Нелиберальная демократия – так же, как либеральная автократия или конкурентный авторитаризм, – может быть описана как временное сосуществование политических структур, кото-

36 В этом смысле он вписывается в модель, предложенную Мескитой и Смитом: MESQUITA B.B. DE, SMITH A. *The Dictator's Handbook*. New York: Public Affairs, 2011.

рые частично друг друга дублируют и друг другу противоречат. Эти режимы могут обладать следующими характеристиками:

1. Во главе режима стоит авторитарный лидер, который приходит к власти путем выборов и которого на международном уровне поддерживают лидеры, придерживающиеся схожих авторитарных взглядов.

2. Лидер создает высоко персонализированную, неформальную, централизованную, вертикально действующую систему управления, где лояльность преобладает над опытом, а социальные автономии (вроде независимых СМИ и независимых групп гражданского общества) считаются опасными.

3. Политическая клика, оккупирующая государство изнутри, может вести себя как приемная «политическая семья», выборочно принимая в свои ряды формальных членов партии и лояльную клиентуру.

4. Режим находится в постоянном движении, он «движущаяся цель», консолидация в нем маловероятна. В отсутствие внешних ограничений режим часто является переходным на пути к полному авторитаризму (как показывает пример России).

5. Выступая от имени коренного населения, лидер осуждает международные элиты (политиков Евросоюза, международный бизнес и так далее) и мигрантов, считая их врагами.

6. Тем не менее нелиберальный лидер предпочитает «чистые», а не открыто насильственные методы, регулярно проводит (нечестные) выборы с целью обеспечить себе долгосрочное правление и возможность представлять себя «демократом» на международном уровне.

7. Режим обещает вновь политизировать общественную сферу и мобилизовать политическое сообщество, но в итоге никакой политики нет, есть только централизованная пропаганда и запутанный, хаотичный государственный аппарат. Так называемое «сильное государство» на самом деле является мафиозным государством, где коррупция не отклонение от нормы, пришедшее извне, а встроенное в систему, законодательно закрепленное и сетевое явление.

8. Режим предпочитает основываться на страхах и традиционном менталитете граждан, а не на последовательной идеологии.

9. Лидеры нелиберальной демократии, как и любого гибридного режима, учатся друг у друга: подобные автократические методы и нарративы циркулируют между собой (иногда это называют «популяризацией автократии»).

10. При этом в рамках подобных режимов происходит множество случайных и непредсказуемых событий, для них характерны спонтанные действия. Хотя авторитарные лидеры и учатся друг у друга, они не обязательно реализуют один и тот же план или следуют заранее рассчитанному политическому проекту.

11. Если страна принадлежит к сообществу демократических государств, авторитарным лидерам сложнее проводить свою политику. Принцип subsidiarity, формальная приверженность основным демократическим ценностям, многоуровневое управление, институциональное сотрудничество и так далее, которые существуют в Европейском союзе, – внешние факторы, определяющие поведение национального лидера. В такой ситуации лидер нелиберального режима вступает в циничную и лицемерную игру с представителями международного сообщества, принимая доступные материальные блага из общей корзины, не уважая при этом общие демократические нормы.

12. В посткоммунистическом контексте нелиберальная демократия часто подразумевает жесткое перераспределение собственности между старыми и новыми элитами. Члены новой властной элиты используют законодательство для новой национализации частной собственности с целью впоследствии реприватизировать ее для себя и своих клиентов.

Вывод можно сформулировать одной фразой: теоретически нелиберальная демократия звучит как оксюморон, но она может существовать в реальном мире как изменчивая, не оформленная окончательно и частично ограниченная извне модель общества – особый тип гибридного режима внутри серой зоны.

Перевод с английского Оксаны Якименко

АНДРАШ БОЗОКИ

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ

